

ОБЗОРЫ

П. Е. Вайдман, Н. П. Генералова

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА (Тетрадь стихотворений Фета в Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину)

Дом Чайковского в Клину —
Старая открытка.
Подержи меня в плену,
Старая калитка...

Вероника Долина

Все началось с обычного недоразумения. Редколлегия выходящего в настоящее время Собрания сочинений и писем А. А. Фета в 20 томах довольно долгое время не могла найти автограф стихотворения, озаглавленного «Петру Ильичу Чайковскому» («Тому не лестны наши оды...») и опубликованного впервые в посмертном издании Фета «Лирические стихотворения», которое было подготовлено Н. Н. Страховым и великим князем Константином Константиновичем (К. Р.) в двух томах в 1894 году.¹ Рабочая тетрадь, по которой в этом издании печатался текст, была впоследствии безвозвратно утрачена, а потому шансов найти автограф было очень мало. И вдруг, совершенно неожиданно, в одном из последних томов подготовленного в Институте мировой литературы РАН «Литературного наследия» воспроизвели искомый автограф. Надпись под ним гласила: «Стихотворение Фета „Петру Ильичу Чайковскому“ („Тому не лестны наши оды...“). Автограф. 18 августа 1891 г. Институт русской литературы РАН, С.-Петербург».² Взявшись за подготовку к печати

---

¹ *ЛСм*1894. Ч. 2. С. 319.

² *Фем*/К. Р. С. 911.

5-го тома Собрания сочинений, куда должны были войти четыре выпуска поэтических сборников Фета «Вечерние огни», редколлегия, как и в предыдущих томах, поставила перед собой задачу выявить все сохранившиеся автографы стихотворений и произвести фронтальную сверку их с опубликованными текстами. Разумеется, в первую очередь участниками издания были взяты на учет все сохранившиеся автографы в Рукописном отделе ИРЛИ, однако среди них стихотворения Чайковскому точно не было. После того, как мы связались с сотрудниками ИМЛИ, готовившими публикацию переписки Фета для «Литературного наследства» и иллюстративный материал к ней, выяснилось, что фотокопию автографа предоставила одна из участниц проекта, в чьем личном архиве она хранилась долгие годы. Однако за давностью лет точно сказать, откуда появился этот автограф, она сказать не могла, подсказав только шифры на автографе, которые не были воспроизведены на иллюстрации и которые могли бы помочь найти источник. Однако внешний вид автографа, даже без шифров, свидетельствовал о многом.

Во-первых, стихотворение было записано Фетом лично, в то время как хорошо известно, что в последние годы жизни (начиная с 1886-го) вследствие резкого ухудшения зрения поэт чрезвычайно редко делал подобного рода записи. Все, что он писал в эти годы — стихотворения, письма, переводы и т. д., — было надиктовано им секретарю Екатерине Владимировне Федоровой (в замуж. Кудрявцева), ставшей близким человеком в доме Шеншиных. Зная ее почтение таланта Фета и неустанные труды, корреспонденты поэта нередко передавали ей сердечные приветия, ценя ее самоотверженную работу.

Во-вторых, стихотворение, записанное очень аккуратно, находится на листке почтовой бумаги, имеет подпись Фета и дату «18 августа» в левом нижнем углу. Характерно, что год в автографе не проставлен. Все это означает, что он мог быть присоединен к письму, а письмо могло быть адресовано самому Петру Ильичу Чайковскому. В противном случае вместо собственноручного автографа мы бы имели авторизованный текст, записанный рукой Е. В. Федоровой. Именно такой авторизованный текст содержится в письме Фета к К. Р. из Воробьевки от 25 августа 1891 года, хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ.³ Оно-то и раскрывает подлинную историю автографа. В нем Фет сообщает о том, что «три дня тому назад» у него обедал П. И. Чайковский, ему он «прочел и передал» стихотворение, которым композитор «остался, кажется, очень

³ ИРЛИ. Ф. 137. № 76. Л. 174 об.

его братъ Петръ Милитъ. Онъ понравился мнѣ, какъ весьма артистическая
натура. Я посадила его за обѣдомъ рѣчью съ собою и убавилъ, что у
Вашего Высочества сильно свѣтло въ ушахъ отъ нашихъ усердныхъ
о Вашемъ жалованьи. Узнавъ, что онъ страстнѣйшій любитель цвѣтень,
Марья Петровна поставила передъ нимъ два букета изъ отцѣвѣвшаго
ищаго сада, а я прочелъ и передалъ ему стихотвореніе, которымъ
онъ остался, кажется, очень доволенъ. Вотъ оно:

Тому не лестны наши оды,
Нашъ стихъъ родной,
Кому предъ нами антиподы
Такойъ явлонъ.

Но погрѣшенный весь струнами
Его цвѣтень,
Восторгъ не покрѣитъ и меръ нами
Твердытъ граникъ.

Такъ шумитъ надъ насъ мура наши
Кранять пѣвца,
И онъ кипитъ, какъ пѣна въ чайнѣ,
И въ насъ сердца.

Видно въ Москвѣ Чайковскій будетъ ставить "Трибуна даму";
мы надеемся увидать его не только у себя на Тимонинѣ, но
въ театры.

Вчера вечеромъ, при полученіи Московскаго Вѣдомостей
я былъ крайне обрадованъ появленіемъ въ № 230 послѣдней

Авторизованный текст стихотворения «Тому не лестны наши оды...»
в письме Фета к К. Р. от 25 августа 1891 г.
Вторая страница письма (ИРЛИ)

доволен. Вот оно: <...>».⁴ Далее идет текст стихотворения, правда, без даты и без заглавия.

Итак, автограф стихотворения был прочитан и вручен П. И. Чайковскому лично. Значит, его надо искать в архиве композитора. Обращение к Директору Государственного дома-музея П. И. Чайковского Г. И. Белонovich увенчалось успехом. С ее любезного разрешения автограф был предоставлен в распоряжение редколлегии Собрания сочинений Фета и занял свое почетное место в комментариях к 5-му тому.⁵ Известно, что поэт намеревался поместить это стихотворение в готовящийся пятый выпуск «Вечерних огней», но сборник так и не увидел свет при жизни поэта. В выходящем ныне собрании сочинений он включен в раздел «Стихотворения и поэмы 1864–1892 годов, не вошедшие в сборники». Однако на этом открытия в архиве Чайковского не прекратились. Оказалось, что в Клину хранится еще немало сокровищ, связанных с именем Фета.

Среди собрания присланных Чайковскому разными лицами стихотворений, оперных сценариев, музыкальных сочинений нашлось еще одно стихотворение Фета, записанное на таком же почтовом бланке, что и автограф, о котором шла речь выше. На этот раз, правда, им оказался авторизованный текст без даты стихотворения «Мы встретились вновь после долгой разлуки...», записанный рукой секретаря. Появление его, очевидно, объясняется обстоятельствами личной встречи композитора и поэта. Сообщая К. Р. о своем визите к Фету, Чайковский писал о том, что поэт прочел ему «много новых своих стихотворений». «...Причем я удивлялся, — продолжал он далее, — как еще молода и свежа его муза».⁶ Речь шла, несомненно, о стихотворениях, написанных уже после выхода в свет четвертого выпуска «Вечерних огней», который появился в продаже в конце ноября — начале декабря 1890 года, хотя на обложке и титуле сборника значится 1891 год.⁷

Можно предположить, что после чтения стихов самим поэтом Петр Ильич попросил записать для него особо понравившееся, возможно с целью положить его когда-нибудь на музыку. Екатерина Владимировна

⁴ ИРЛИ. Ф. 137. № 76. Л. 174–174 об. См. также: *Фет/К. Р.* С. 910.

⁵ Текст стихотворения и автограф, хранящийся в ГДМЧ, воспроизведен в наст. сборнике в статье А. Г. Айнбиндер (С. 41–42).

⁶ *Чайковский П. И.* Полное собрание сочинений. М., 1978. Т. 16-а. С. 257–258. Далее: *Чайковский*, с указанием номера тома и страницы.

⁷ Во всяком случае, уже 14 декабря 1890 г. Н. Н. Страхов благодарил Фета за присланную книжку «Вечерних огней» (*Фет/Страхов.* С. 507).

без труда могла исполнить эту просьбу, и листок со стихотворением «Мы встретились вновь после долгой разлуки...» был увезен Чайковским с собой.

Однако самой неожиданной находкой оказалась целая тетрадка со стихотворениями Фета, которая тоже находилась в архиве композитора среди других некогда присланных ему текстов. Здесь были записаны двадцать стихотворений Фета, аккуратно пронумерованных римскими цифрами:

- I. «Сентябрьская роза» («За вздохом утренним мороза...»),
- II. «Еще люблю, еще томлюсь...»,
- III. «Я не знаю, не скажу я...»,
- IV. «На кресле отваясь гляжу на потолок...»,
- V. «Опавший лист дрожит от нашего движенья...»,
- VI. «Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал...»,
- VII. «Весь вешний день среди стремленья...»,
- VIII. «Безобидней всех и проще...»,
- IX. «Завтра — я не различаю...»,
- X. «Не упрекай, что я смущаюсь...»,
- XI. «Только месяц взошел...»,
- XII. «Качаяся, звезды мигали лучами...»,
- XIII. «Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной...»,
- XIV. «Я слышу и судьбе я покорюсь грозной...»,
- XV. «Кляните нас! нам дорога свобода...»,
- XVI. «Люби меня. Как только твой покорный...»,
- XVII. «За горами, песками, морями...»,
- XVIII. «Я говорю, что я люблю с тобою встречи...»,
- XIX. «Фонтан» («Ночь и я, мы оба дышим...»),
- XX. «Нет мне не верится, чтоб ты была послушна...».

Возникает вопрос: почему же до сих пор эта тетрадь не попала в поле зрения исследователей творчества Фета? Ответ прост и одновременно сложен. Как справедливо указано в статье А. Г. Айнбиндер, публикуемой в настоящем сборнике, на первом листе тетрадки записана рукой Николая Ильича Чайковского басня «Щенок и молоко». На обороте листа проставлена дата: «с. Уколово / 25/VIII 91» и стоит подпись: «Николай и Георгий Чайковские», причем имя «Георгий» написано детской рукой.

Как определила А. Г. Айнбиндер, на присылку этой басни откликнулся П. И. Чайковский в письме к племяннику Георгию (Жоржу) от 5 сентября 1891 года. Композитор прямо говорит, что басня была сочинена (по-видимому, он узнал это из не дошедшего до нас письма Николая) братом и племянником, которому в то время было 9 лет. Именно эта басня и ввела в заблуждение исследователей.

Дело в том, что почерк Николая Ильича Чайковского оказался похожим на почерк Екатерины Владимировны Федоровой. Было решено, что после басни Николай Ильич переписал несколько стихотворений Фета в ту же тетрадку, отметив после последнего стихотворения место, где они были написаны Фетом, и проставив дату. В действительности же, скорее всего, все было по-другому. Если внимательно присмотреться к последней странице тетрадки, то увидим, что там, после стихотворения «Нет мне не верится, чтоб ты была послушна...», рукой Н. И. Чайковского проставлена более ранняя дата, чем дата под текстом басни: «с. Воробьевка / А. Фет. / 22/ VIII 91».⁸ Значит, басня была вписана после того, как в тетрадке оказались перечисленные двадцать стихотворений Фета. Что же нам дают эти даты и как они соотносятся с 18 августа 1891 года — датой написания стихотворения «Петру Ильичу Чайковскому»?

Выше мы говорили о том, что в день визита Чайковского в Воробьевку Фет прочитал и вручил композитору посвященное ему стихотворение, а также читал ему свои новые стихотворения. Очевидно, одно из них («Мы встретились вновь после долгой разлуки...») Чайковский попросил переписать. Поскольку стихотворения записаны в хронологическом порядке (хотя под ними не проставлены даты, они известны нам из других источников), легко определить, что именно этого стихотворения не хватает в тетрадке. Остается предположить, что и эти двадцать стихотворений были переписаны для композитора по его просьбе: вряд ли Фет решился бы на такой поступок (совершенно исключительный, насколько нам известно) по собственному желанию. Конечно, за то время, пока Чайковский находился в гостях у Фета, Е. В. Федорова не могла переписать все стихотворения, она сделала это спустя некоторое время. Дата в конце тетрадки свидетельствует, что переписанные стихотворения были готовы уже 22 августа и, несомненно, переданы в Уколово Николаю Ильичу для последующей передачи брату.

Однако именно в этот день, как пишет А. Г. Айнбиндер, Петр Ильич был уже в Каменке Киевской губернии у своей сестры Александры Ильиничны Давыдовой, куда приехал не позднее 21 августа, а 19 августа он, по убедительному предположению той же исследовательницы, находился еще в Уколово у брата Николая Ильича и сделал нотную запись на память, помеченную этим числом.⁹ Значит, он приезжал в Воробьевку

⁸ См. статью А. Г. Айнбиндер в наст. томе (С. 46), а также ил. на с. 734.

⁹ См.: Там же. С. 43–44. О том, что 22 августа Петр Ильич был в Каменке, свидетельствуют два его письма: к П. Л. Петерсену и к П. И. Юргенсону (*Чайковский*. Т. 16-а. С. 195–196).

(скорее всего, с братом Николаем) между 18 и 21 августа 1891 года. Можно попытаться гипотетически уточнить эту дату. Если 21-го Чайковский был уже в Каменке, то вряд ли он ездил к Фету 20-го, какое-то время должно было уйти на сборы, а поездка в Воробьевку должна была занять целый день. Получается, что остается два дня: 18 и 19 августа. Дата под стихотворением — 18 августа. Она может означать как дату написания, так и дату встречи. Не очень надежный, но все же аргумент в пользу второго предположения — отсутствие в дате года. Обычно в подобных случаях поэт проставлял и число, и месяц, и год, а иногда и место написания стихотворения. В данном случае «18 августа» как будто начинает играть роль знаменательной даты — даты встречи двух больших художников. Но, повторяем, этот аргумент не выдерживает строгой критики.

Вернемся к письму Фета к К. Р. от 25 августа 1891 года, о котором мы говорили вначале. В нем поэт указывал, правда приблизительно, несколько более поздний отрезок времени: «Дня три тому назад обедал у нас приехавший на два дня к нашему соседу Николаю Ильичу Чайковскому родной его брат Петр Ильич».¹⁰ Если отсчитать от 25 числа три дня, получится либо 21, либо 22 августа. Но, как говорилось выше, в это время композитор был уже в Каменке. Остается предположить, что наиболее близкими по времени к упомянутым «трем дням» оказываются 19 или 20 августа 1891 года. 20-е число, по-видимому день отъезда или сборов к нему, приходится отбросить как маловероятное, поскольку после поездки в Воробьевку и, очевидно, в тот же день посещения лежащей по дороге к Фету Коренной пустыни необходим был какой-то отдых. В таком случае дату 19 августа 1891 года следует, по-видимому, считать наиболее вероятной датой единственной встречи композитора и поэта. Двухдневное пребывание в Уколово, о котором упоминает Фет, на самом деле вылилось в трех, четырех или даже пятидневное¹¹ и пришлось, скорее всего, на 18–19 августа. При этом

¹⁰ *ИРЛИ*. Ф. 137. № 76. Л. 174. См. также: *Фет/К. Р.* С. 910.

¹¹ О том, что он провел в Уколово четыре дня и оттуда ездил в Коренную пустынь и Воробьевку, расположенную в 30 верстах, Чайковский сообщил брату Анатолию (*Чайковский*. Т. 16-а. С. 199–200). В другом письме, к брату И. И. Чайковскому, он говорит, что провел у Николая «трое суток» (Там же. С. 202). Впрочем, с точностью установить даты пребывания композитора в Уколово и в Каменке довольно затруднительно, поскольку разные исследователи называют разные даты: например, в Полном собрании сочинений Чайковского и в Летописи его жизни и творчества (Дни и годы П. И. Чайковского: Летопись жизни и творчества / Составление Э. Зайденшнур и др.; под ред. В. Яковлева. М.; Л., 1940. С. 535) указано, что

остаётся возможность, что Чайковский заехал в Воробьевку по пути в Киевскую губернию.

О визите Чайковского в Воробьевку почти в тех же словах, что в письме к К. Р., поэт писал своему другу графу А. В. Олсуфьеву 26 августа 1891 года: «На днях обедал у нас композитор Чайковский; это очень милый и развитой человек. Зимой он будет ставить в Москве свою „Пиковую даму“». ¹² Ещё одно свидетельство содержится в письме Фета к художнику И. С. Остроухову и его жене Надежде Петровне от 14 сентября 1891 года, которое хранится в Отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи. К письму было приложено и стихотворение, посвященное Чайковскому: «Обедал у нас знаменитый композитор Чайковский, и мы почтили его двумя осенними, но великолепными букетами, как любителя цветов, и за шампанским я прочел стихотворение, которым он видимо остался очень доволен и увез с собою. / Прилагаю его в копии, а равно самое последнее мое стихотворение, зная, как благосклонно Вы всегда относитесь к моей старушке музе». ¹³

Почему же под стихотворением, посвященным П. И. Чайковскому, стоит дата «18 августа»? Ответ можно дать вполне правдоподобный: Фет мог узнать о предстоящем приезде П. И. Чайковского в Уколово от его брата Николая, своего соседа по имению, с которым виделся неоднократно, и договориться о визите композитора в Воробьевку. Ведь Чайковский, как свидетельствуют письма, обедал у Фета. Мы не знаем точно, кто был инициатором встречи, но можно с уверенностью утверждать, что и Фет и Чайковский знали друг друга задолго до личного знакомства, а взаимная симпатия его предопределила. Несомненно, этому способствовал Николай Ильич Чайковский. Как указано в статье А. Г. Айнбиндер, еще 3 августа 1891 года он писал брату, что Фет с женой «не дождутся» приезда композитора в Воробьевку. ¹⁴

в Каменке он пробыл с 20 по 27 августа. В таком случае следовало бы перенести дату его визита в Воробьевку на 19 августа. Если точно известно, что с 14 августа П. И. Чайковский находился у брата Николая, то прибавка к этой цифре четырех дней, не считая дня приезда, дает 18-е число. В этот день композитор мог поехать в Коренную пустынь, а оттуда в Воробьевку. Оставшегося времени ему хватило бы на то, чтобы вернуться в Уколово и добраться до Каменки.

¹² *Письма к Олсуфьеву* (52). С. 118.

¹³ *ИТГ*. Ф. 10. № 7082. Л. 1. Этот фрагмент опубликован: *Асланова Г.* «Под гостеприимным кровом Вашим...» // *Дом Остроухова в Трубниках: Альманах*. М., 1995. С. 38. Здесь цитируем по копии подлинника, любезно предоставленной И. А. Кузьминой.

¹⁴ См. указ. статью А. Г. Айнбиндер в наст. томе (С. 40).

Зная заранее о приезде Чайковского, Фет мог еще до визита написать посвященное ему стихотворение и поставить под ним дату. Эта дата фигурировала и в утраченной рабочей тетради Фета, откуда ее воспроизвели вместе со стихотворением первые публикаторы Н. Н. Страхов и К. Р., о чем шла речь выше. Конечно, можно было бы возразить, что стихотворение было послано К. Р. в письме от 25 августа и оттуда могло быть перенесено в готовящийся том. Однако в письме, как уже говорилось, оно не имеет ни заглавия, ни даты, в то время как в первой публикации они воспроизведены совершенно точно. Надо сказать, что Фет, хотя и утверждал неоднократно, что не может писать стихи «на заказ», в действительности много раз нарушал этот принцип. Сказанное относится ко множеству стихотворений «на случай», посвященных памятным датам родственников и знакомых — именинам, свадебным торжествам, юбилеям, наконец, датам смерти. Как правило, подобные стихотворения поэт писал накануне. Это касается даже тех стихов, где в заголовке фигурировала определенная дата. Например, в подзаголовке стихотворения «На погребение Ее Императорского Высочества Великой Княгини Александры Георгиевны 18 сентября 1891» («Там, где на красные ступени...») дата означает не время написания, а время погребения. Само же стихотворение следует датировать 23–26 сентября 1891 года, по письму Фета к К. Р., к которому был приложен собственноручный автограф. Составивший первый хронологический указатель стихотворений Фета Б. В. Никольский по ошибке внес стихотворение под датой «18 сентября 1891». Эта ошибка была исправлена Б. Я. Бухштабом в издании Полного собрания стихотворений Фета (Большая серия «Библиотеки поэта») 1959 года, где ученый попытался датировать все публикуемые стихотворения, на «Сентябрь 1891». Подобная ошибка была допущена при публикации стихотворения, имеющего в заглавии только дату: «1881 года, 11 июля» («Желаю Оле...») и посвященного племяннице Фета Ольге Ивановне Щукиной (в замуж. Иост). Этим числом датировал стихотворение, не напечатанное при жизни поэта, не только первый публикатор Б. В. Никольский,¹⁵ но и Б. Я. Бухштаб,¹⁶ хотя совершенно очевидно, что стихотворение написано накануне именин, которые Ольги отмечают 11 июля. Подобных примеров можно привести десятки, но сказанного достаточно, чтобы утверждать, что стихотворение «Петру Ильичу Чайковскому» хотя и было написано 18 августа 1891 года, вручено адресату было не в тот же день, как ошибочно считают новей-

---

¹⁵ ПССМ1901. Т. 3. С. 395.

¹⁶ ПССМ1959. С. 528.

шие комментаторы в целом превосходно подготовленной переписки Фета с К. Р. в «Литературном наследстве».¹⁷

Завершая разговор об истории появления в архиве П. И. Чайковского более двух десятков текстов Фета, среди которых один написан его рукой, следует подчеркнуть, что встреча двух гениев не прошла бесследно для обоих. В письмах к разным корреспондентам и Фет, и Чайковский тепло вспоминали об этой единственной встрече. В упомянутом письме к К. Р. от 25 августа Фет выражал надежду увидеться с композитором зимою в Москве: «Зимой в Москве Чайковский будет ставить „Пиковую даму“, и мы надеемся увидеть его не только у себя на Плющихе, но и в театре».¹⁸ Из этих слов видно, что во время визита Чайковский получил от Фета и его жены приглашение побывать в их московском доме, однако, судя по письму к К. Р. от 4 ноября 1891 года, это посещение не состоялось.¹⁹ Отметим, что упомянутое письмо было написано в день премьеры «Пиковой дамы» в Москве в Большом театре, на которой, судя по контексту, поэт не присутствовал. До нас не дошло сведений и о том, слушал ли Фет в театре оперу Чайковского и виделся ли там с композитором, но, как убедительно показала в своей статье А. Г. Айнбиндер, насыщенная философскими мотивами лирика позднего Фета не могла не оказать определенного влияния на формирование творческого замысла великой оперы Чайковского.

В связи с этим можно высказать еще одно предположение. Как показали разыскания А. Г. Айнбиндер, в библиотеке Чайковского хранились почти все издания Фета, начиная с солдатенковского двухтомника 1863 года. Можно с уверенностью предположить, что и сборник 1856 года также не прошел мимо внимания Чайковского, тогда еще учившегося в Училище правоведения, поскольку в 1857 году им был создан первый из пяти романсов на стихи Фета — «Мой гений, мой ангел, мой друг...», написанный на стихотворение «Не здесь ли ты легкою тенью...» (цикл «К Офелии»)²⁰ Впервые это стихотворение было опубликовано в сборнике 1850 года и перепечатано в следующем сборнике 1856 года. В числе перечисленных книг из библиотеки Чайковского упоминается конволют, состоящий из трех первых выпусков «Вечерних огней».²¹ Однако

¹⁷ *Фет/К. Р.* С. 912, примеч. 3.

¹⁸ Там же. С. 911.

¹⁹ «Чайковский в настоящую минуту ставит в Москве свою „Пиковую даму“, — писал Фет, — но у нас он не был, и не знаю, попадет ли по своей рассеянности» (Там же. С. 922).

²⁰ См. указ. статью А. Г. Айнбиндер в наст. томе (С. 38).

²¹ Там же. С. 50.

вновь найденная тетрадка стихотворений Фета, где помещены стихотворения, написанные после выхода в свет четвертого выпуска «Вечерних огней» (1890), свидетельствует в пользу гипотезы, что у композитора ко времени встречи с Фетом уже был приобретенный им недостающий в конволюте выпуск, или же Фет подарил ему этот выпуск в Воробьевке, разумеется, с дарственной надписью. К сожалению, следов этого экземпляра обнаружить пока не удалось.

Следует сказать, что найденная в Государственном доме-музее П. И. Чайковского тетрадка стихов Фета (далее — *ТетрГДМЧ*), помимо историко-литературного значения, имеет дополнительное значение как еще один источник текста для целых двадцати стихотворений. И вот почему.

Как уже говорилось, рабочая тетрадь Фета, в которой содержались стихотворения, написанные с ноября 1890 года, была утрачена, как большая часть рабочих тетрадей, кроме двух, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома, и одной в Российской государственной библиотеке. По правилам, принятым в текстологии, значение основного источника для последующего воспроизведения стихотворений, автографы которых отсутствовали, должны были приобрести первые (они же и последние) печатные публикации, поскольку стихотворения этого периода уже не вошли ни в один из прижизненных сборников. В ряде случаев в роли источника должно было выступить первое посмертное издание 1894 года, подготовленное Страховым и К. Р., или издание 1901 года, подготовленное Б. В. Никольским. Все трое издателей располагали утраченными рабочими тетрадями Фета, а также сборниками стихов с собственноручными пометами поэта (эти сборники тоже оказались утраченными). Но мы теперь хорошо знаем, какие вольности допускали все издатели Фета в отношении его текстов, особенно в отношении пунктуации.²²

К счастью, помимо печатных источников, осталось немало писем Фета, в которые были включены его поздние стихотворения. Для исследователей настоящей удачей оказался тот факт, что в последние семь лет жизни поэт вел интенсивную переписку с великим князем Константином Константиновичем, который настолько дорожил письмами Фета, что переплел их вместе со своими письмами (возвращенными ему вдовой поэта Марией Петровной) в два тома. Эти тома в красном сафьяновом переплете находятся ныне в Пушкинском Доме. Почти в каждом

---

²² См. об этом: Генералова Н. П. Текстологические проблемы издания стихотворений Фета (Собрание сочинений и писем в 20 томах) // *ФетСб(1)*. С. 5–29.

письме оба корреспондента посылали друг другу новые стихотворения и высказывали свое мнение о присланных. Еще большей удачей для текстологов и исследователей творчества Фета оказалась сохранившаяся переписка с Я. П. Полонским, другом юности, отношения с которым прервались более чем на десять лет и возобновились лишь в 1883 году, когда Полонский откликнулся на выход в свет первого выпуска «Вечерних огней». С конца 1887 года переписка стала регулярной. Старые приятели не только обменивались вновь написанными стихотворениями, но и давали подчас нелицеприятную оценку произведениям друг друга.²³

К сожалению, все письма Фета и почти все поэтические тексты, в них содержащиеся, написаны не им лично, а, как уже говорилось, рукой его секретаря Е. В. Федоровой. Но учитывая, что и письма, и тексты стихотворений диктовались самим Фетом, М. А. Соколовой, подготовившей все выпуски «Вечерних огней» в серии «Литературные памятники», было принято решение называть эти тексты не «списками», как требовали правила текстологии, а «авторизованными текстами».²⁴ Составители 5-го тома Собрания сочинений Фета, куда вошли все выпуски «Вечерних огней» и «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в прижизненные сборники», пошли еще дальше и отнесли описание этих авторизованных списков в раздел «Автографы», с указанием, что они записаны не рукой Фета. Значение этих документов трудно переоценить. Нередко в них содержится правка рукой поэта, но главное, они все не только им диктовались, но и перечитывались. Иногда поэт вносил небольшую правку: расставлял знаки препинания и т. д. Таким образом, несмотря на пропажу рабочих тетрадей, эти авторизованные тексты в большинстве случаев компенсируют потерю, хотя, разумеется, не в полной мере.

Вот почему находка в архиве П. И. Чайковского двадцати двух автографов Фета, среди которых один собственноручный, стала настоящей сенсацией для тех, кто готовил 5-й том Собрания сочинений поэта. В уже готовый и сверстаный том пришлось внести срочную правку: не только описать вновь обретенные автографы, но и в ряде случаев изменить текст, принятый в корпусе как основной. Это касалось только раздела «Не вошедшее», поскольку все четыре выпуска «Вечерних огней» печатаются в 5-м томе по прижизненным сборникам.

---

²³ Эта замечательная переписка опубликована в одном из последних томов «Литературного наследства» Т. Г. Динесман и М. И. Трепалиной (*Фет/Полонский*. С. 554–986).

²⁴ *Соколова М. А.* Принципы издания // *ВО* 1979. С. 647–648.

Чрезвычайно интересно уже первое стихотворение «Сентябрьская роза» («За вздохом утренним мороза...»), имеющее номер «I». Не вызывает сомнений, что с этого текста начиналась утраченная рабочая тетрадь Фета, содержащая стихотворения, которые были предназначены позже для пятого выпуска «Вечерних огней», так и не вышедшего в свет. В 5-м томе Собрания сочинений в качестве основного, или канонического текста был выбран напечатанный в еженедельном журнале «Царь-колокол» (1891. № 4. С. 57), поскольку в нем была учтена правка, внесенная Фетом после критических замечаний Я. П. Полонского в письме от 19–20 декабря 1890 года (первоначально у Фета была не сентябрьская, а октябрьская роза, но, соглашаясь с Полонским, он даже дал заглавие, сначала отсутствовавшее).²⁵ Конечно, в рабочей тетради содержалась правка, о которой Фет сообщил Полонскому 30 декабря 1890 года,²⁶ и дата «22 ноября 1890», с которой стихотворение было опубликовано в посмертном издании.²⁷ По сравнению с первой публикацией в «Царь-колоколе», в *ТетрГДМЧ* есть лишь одно разночтение в стихе 6, где отсутствует проставленная в тексте из письма к Полонскому и в первой публикации запятая (*В давно безлиственных кустах* вместо: *В давно безлиственных кустах,*). Эта, казалось бы, незначительная деталь все же существенна при выявлении последней воли поэта, а именно она зафиксирована в *ТетрГДМЧ*. Любопытно, что и наиболее авторитетный издатель Фета в XX веке — Б. Я. Бухштаб принял в изданиях 1959 и 1986 годов именно такую пунктуацию.

Но еще интереснее другое. В Российской государственной библиотеке сохранился отдельный сдвоенный лист, возможно вырванный из предыдущей рабочей тетради, которая содержала стихотворения, вошедшие в четвертый выпуск «Вечерних огней». Здесь записано несколько стихотворений: четыре рукой Федоровой и одно рукой Фета. После первых двух — «Запретили тебе выходить...» и «Я. П. Полонскому» («В минувшем жизнь твоя богата...») — рукой Фета написано: «Конец 4-го выпуска „Вечерних огней“». ²⁸ Оба стихотворения действительно вошли в четвертый выпуск «Вечерних огней». После этого на следующем листе (Л. 2) рукой Федоровой записано стихотворение «Е. Д. Д.» («Все изменяется как тень...»), посвященное Елизавете Дмитриевне Дункер, под которым стоит дата: «14 окт. 1890 / Москва». В пра-

²⁵ См.: *Фет/Полонский*. С. 861.

²⁶ Там же. С. 872.

²⁷ *ЛСМ1894*. Ч. 1. С. 321.

²⁸ *РГБ*. Ф. 315. К. 1. № 22. Л. 1 об.

вом верхнем углу есть карандашная помета: «Нет», означающая, что поэт принял решение не печатать это стихотворение, хотя собственно-ручная правка говорит о том, что он его дорабатывал. А вот на обороте второго листа (снова рукой Федоровой) находится стихотворение «Из тонких линий идеала...» с правкой, которая внесена секретарем, очевидно, под диктовку Фета. Под текстом дата: «11 ноября 1890». В правом верхнем углу помета чернилами: «Р<усское> обозр<ение>», карандашом: «Переписано и послано». Но что особенно важно, над текстом позже карандашом проставлена цифра: «I», а в левом верхнем углу чернилами сделана помета: «A/B». Эта помета может означать только одно — возможность поместить стихотворение в качестве открывающего сборник. И действительно, стихотворением «Из тонких линий идеала...» Фет намеревался открыть пятый выпуск «Вечерних огней», однако решение это было принято не сразу.

Ниже собственноручный автограф стихотворения Фета — «Что молчишь. Иль не видишь, горю...», тоже не напечатанного при жизни поэта.

Выскажем гипотезу. Листок, на котором записаны все перечисленные стихотворения, был вырван из рабочей тетради потому, что на нем оказались два стихотворения, не предназначенные Фетом к печати — «Е. Д. Д.» и «Что молчишь. Иль не видишь, горю...». Вместе с ними осталось вне этой тетради и стихотворение «Из тонких линий идеала...». Таким образом, рабочая тетрадь Фета, по которой формировался пятый выпуск «Вечерних огней», началась со стихотворения «Сентябрьская роза». Но именно с него и начиналась тетрадка стихотворений, обнаруженная в архиве П. И. Чайковского, если не считать басни, вписанной на «титольный лист» этой небольшой тетрадки после того, как она была получена из Воробьевки.

Получается, что Фет попросил Екатерину Владимировну переписать из рабочей тетради все стихотворения, написанные им после выхода в свет четвертого выпуска «Вечерних огней», вплоть до последнего стихотворения «Петру Ильичу Чайковскому», созданного за день или два до визита к нему композитора. По понятным причинам секретарь не включила в тетрадку стихотворение «Мы встретились вновь после долгой разлуки...», уже переписанное ею, очевидно, 21 августа. Если бы этого не произошло, то оно оказалось бы в тетрадке под номером XVI, после стихотворения «Кляните нас! нам дорога свобода...» (принимая во внимание дату его написания — «2 марта 1891»). Подаренное же композитору накануне стихотворение «Мы встретились вновь после дол-

гой разлуки...» помечено 30 марта того же года. В таком порядке перечисленные стихотворения были зафиксированы и в Списке 1892 года.²⁹

Возникает правомерный вопрос: а соответствует ли вообще нумерация стихотворений в *ТемпГДМЧ* и в будущем пятом выпуске «Вечерних огней»? Очевидно, нет. Сбой начинается с номера «IX», под которым в *ТемпГДМЧ* записано стихотворение «Завтра — я не различаю...». В планировавшемся пятом выпуске оно должно было идти под номером «XI». Очевидно, переписчица по прямому указанию Фета пропустила стихотворение, посвященное Наталье Михайловне Соллогуб («Тобой привычный восхищаться...»), помеченное в Списке 1892 года номером «X». Легко догадаться, что и далее Фет опускал стихотворения, имеющие характер личных посвящений, как неуместные для того, кто мог взяться за сочинение романсов на предложенные тексты. Таким образом, из *ТемпГДМЧ* «исчезли» стихотворения «Марианне Федоровне Ванлярской при получении визитной карточки с летящими ласточками» («Мечтам покорствуя отважным...»), помеченное в несостоявшемся выпуске «Вечерних огней» номером «XXI», «Роящимся мечтам лететь дав волю...» (№ XXII), «На смерть Бражникова» («Взвод, вперед, справа по три, не плачь!...») (№ XXV), «Давно в любви отрады мало...» (№ XXVI), «Королеве эллинов Ольге Константиновне 11 июля 1891» («Когда-то Ольга душу живу...») (№ XXVII). В остальном Е. В. Федорова строго следовала хронологическому порядку, в котором переписанные стихотворения шли в рабочей тетради, а затем должны были войти в пятый выпуск «Вечерних огней». Но если «пропуск» большей части перечисленных стихотворений вполне мотивирован (это определенно «стихотворения на случай»), то исчезновение в *ТемпГДМЧ* двух чисто лирических текстов мало понятно («Роящимся мечтам лететь дав волю...» и «Давно в любви отрады мало...»), поскольку они несомненно находились в утраченной тетради. Иначе первым публикаторам Страхову и К. Р. просто неоткуда было взять даты их создания (14 мая и 24 июня 1891). Можно было бы предположить, что Фет намеревался воздер-

---

²⁹ В этом сохранившемся Списке они имеют номера XVII и XVIII, проставленные К. Р., который переписал их из утраченной рабочей тетради Фета (в таком порядке они напечатаны в издании «Литературные памятники», где М. А. Соколовой была предложена оригинальная реконструкция пятого выпуска «Вечерних огней». См.: *ВО 1979*. С. 389–390). Прибавление еще одного номера должно быть отнесено на счет недостающего в *ТемпГДМЧ* стихотворения «Из тонких линий идеала...», добавленного Фетом в планируемый пятый выпуск «Вечерних огней» в качестве открывающего. Возможно, именно тогда он нашел отвергнутое поначалу стихотворение и поставил над ним номер: «I».

жаться от обнаружения этих двух стихотворений, однако оба они были напечатаны при его жизни — в журнале «Нива» за 1892 год (№ 41. С. 890) и в «Русском обозрении» за 1891 год (№ 12. С. 516).

Почти все тексты из *ТемпГДМЧ* вошли в основной корпус раздела 5-го тома Собрания сочинений Фета в 20 томах — «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в прижизненные сборники», заменив в некоторых случаях ранее принятые тексты первых прижизненных публикаций или авторизованные тексты более раннего происхождения. Примечательно, что в большинстве случаев тексты *ТемпГДМЧ* подтверждают «правоту» предыдущего авторизованного текста. В отдельных случаях, когда автограф или авторизованный текст был неизвестен, благодаря *ТемпГДМЧ* возникла необходимость ввести в текстологический комментарий раздел «Автографы» («Еще люблю, еще томлюсь...», «Я не знаю, не скажу я...» и др.). В виде исключения в двух случаях (в отношении стихотворений «Опавший лист дрожит от нашего движенья...» и «Если б в сердце тебя я не грел, не ласкал...») предпочтение отдано собственноручным автографам из альбома Жиркевича, хотя сопоставление их с другими авторизованными текстами показывает, что в альбом Фет записывал стихотворения по памяти и, строго говоря, изменил собственную пунктуацию, к которой позднее вернулся в *ТемпГДМЧ*.

Обнаружение новых автографов Фета, причем более позднего происхождения, чем все предыдущие и даже в ряде случаев чем первые публикации в периодике, помогло уточнить тексты и к тому же снять ряд разночтений, присутствующих в позднейших публикациях.

Приведем в качестве примера любопытное недоразумение, возникшее со стихотворением «Завтра — я не различаю...», где, за отсутствием автографа (или в данном случае авторизованного текста) из письма Фета к Я. П. Полонскому от 25 января 1891 года, один из первых издателей прочитал стих 10 неверно. Приведем стихотворение целиком по *ТемпГДМЧ*:

Завтра — я не различаю,
Жизнь — запутанность и сложность;
Но сегодня, умоляю,
Не шепчи про осторожность.

Где владеть собой, коль глазки
Влагой светятся туманной,
В час, когда уводят ласки
В этот круг благоуханный.

Размышлять не время, видно,
Коль в ушах и в сердце шумно,
Рассуждать сегодня стыдно,
А безумствовать разумно.

В первом посмертном издании стих 10 читался следующим образом:

Как в ушах и в сердце шумно;³⁰

А уже в издании Б. В. Никольского в конце стиха появился столь любимый редактором восклицательный знак, в корне изменивший смысл поэтического высказывания. Но сначала следует ответить на вопрос, откуда в стихе появилось «как» вместо «коль» именно в этом последнем значении. Для этого обратимся к названному письму Фета к Полонскому, где содержится ранний вариант стихотворения. Здесь последняя строфа выглядит следующим образом:

Размышлять не время видно,
Как в ушах и в сердце шумно.
Рассуждать сегодня стыдно,
А безумствовать — разумно.

Стоящая в конце стиха 10 точка не допускает двух толкований: «как» здесь употреблено в значении «когда», то есть в значении причинного союза, соответствующего «так как» и уже во времена Фета звучавшего с оттенком устарелости, а не в значении определительного наречия, означающего в восклицательном предложении высшую степень какого-либо действия или состояния. К слову сказать, в письме к Полонскому в стихе 5 употреблен тот же союз в том же значении:

Где владеть собой, как глазки
Влагой светятся туманной,

Правда, в конце стиха 6 стоит запятая, а не точка. Однако в первой публикации стихотворения именно здесь стоит точка, образуя высказывание, синонимичное стихам 9–10.³¹ Зато в этой публикации вместо «как» стоит «коль»: оно, очевидно, было в рабочей тетради, по которой Страхов и К. Р. воспроизводили текст. Казалось бы, это исправление в стихе 5 должно было повлечь за собой аналогичное исправление в стихе 10, однако этого не произошло, и в окончательном виде так и осталось: «коль» в стихе 5 и «как» в стихе 10, пока не появился дополнительный источник в виде авторизованного текста в *ТемпГДМЧ*. Таким образом, последний по времени известный нам автограф дал основание выдвигать его в качестве основного текста, предоставив оставшимся значе-

---

³⁰ ЛСм1894. Ч. 2. С. 207.

³¹ Аргист, театральный, музыкальный и художественный журнал. 1891. № 13 (Февраль). С. 101.

ние вариантов. Правильно ли это? В строгом смысле слова нет, поскольку, как уже говорилось, редакторы первого посмертного издания и Никольский располагали рабочими тетрадами Фета. С другой стороны, можно допустить, что автограф из *ТемпГДМЧ* явился в самом деле окончательным по времени вариантом (или, если говорить строго, редакцией), а в рабочей тетради он оказался не зафиксированным. Так или иначе, но он имеет полное право считаться полноценным автографом, которому может быть отдано предпочтение.

Найденная тетрадь, однако, не только разрешила некоторые сомнения, но и добавила новые. Так, в стихотворении «Не упрекай, что я смущаюсь...», имеющем в *ТемпГДМЧ* порядковый номер «X», в стихе 11 появился вариант, ставящий исследователей в тупик. Не имея возможности решить эту проблему, составители 5-го тома Собрания сочинений Фета отдали предпочтение первой публикации, хотя в *ТемпГДМЧ* зафиксирована последняя воля автора. Вот как выглядит стихотворение в первой публикации журнала «Русское обозрение»:

Не упрекай, что я смущаюсь,
 Что я минувшее принес,
 И пред тобою содрогаюсь
 Под дуновеньем прежних грез.

Те грезы — жизнь их осудила —
 То прах давнишних алтарей,
 Но их победным возмутила
 Движеньем ты стопы своей.

Уже мерцает свет, готовый
 Все озарить, всему помочь,
 И, согреваясь жизнью новой,
 Росою счастья плачет ночь.³²

В *ТемпГДМЧ* два заключительных стиха читаются следующим образом:

И содрогаясь жизнью новой,
 Росою счастья плачет ночь.³³

Вызывает, однако, сомнение прочтение стиха 11, где вместо понятного «И, согреваясь жизнью новой» стоит «И содрогаясь жизнью новой». Если бы этот вариант остался в рабочей тетради, то он, скорее

³² Русское обозрение. 1891. Т. 3. № 5. С. 142.

³³ *ТемпГДМЧ*. Л. 6 об.

всего, был бы учтен при подготовке *ЛСм1894* или *ПССм1901*. Следовательно, наиболее вероятным приходится признать предположение, что ошибся либо Фет, диктуя стихотворение, либо Е. В. Федорова при переписывании его из рабочей тетради. Нельзя, однако, исключать возможность, что сохранившийся в *ТемпГДМЧ* вариант является неучтенной авторской редакцией. Фет мог лишь впоследствии заметить, что глагол «содрогаться» употреблен им уже в стихе 3, и заменить его в стихе 11.

В ряде случаев авторизованный текст из *ТемпГДМЧ* является наиболее авторитетным и единственным письменным источником («Еще люблю, еще томлюсь...», «Я не знаю, не скажу я...», «Люби меня. Как только твой покорный...», «Весь вешний день среди стремленья...», «Безобидней всех и проще...», «Завтра — я не различаю...», «Только месяц взошел...», «Я слышу и судьбе я покоряюсь грозной...») даже в сравнении с первой публикацией, если она была осуществлена после 22 августа 1891 года. Например, стихотворение «Нет, даже не тогда, когда стопой воздушной...» печатается по *ТемпГДМЧ*, несмотря на то что последняя воля автора зафиксирована в первой публикации («Русское обозрение»). Во-первых, это единственный автограф стихотворения, подтверждающий правильность прочтения стиха 4 в первой публикации. Последующие исправления редакторами точки на запятую существенно меняли интонационный строй стихотворения. Во-вторых, даже в первой публикации в стих 2 внесен знак препинания (запятая), не свойственный Фету в подобных случаях.

В отдельных случаях тексты из *ТемпГДМЧ* помогают окончательно установить текст, когда известные ранее источники допускали двойную трактовку. Так, в стихотворении «За горами, песками, морями...» в авторизованном тексте из письма к Полонскому стихи 15–16 читались следующим образом:

В холодок вашей северной ночи
Прилетаю и петь, и любить.

То же прочтение было зафиксировано в первой публикации.³⁴ Однако в письме к К. Р. стих 15 читается иначе: «В холодок Вашей северной ночи», что допускает трактовку стихотворения как послания к великому князю. Вновь найденный автограф в *ТемпГДМЧ* позволяет решительно отклонить это предположение.

Наконец, настоящей загадкой для текстологов представляется последнее переписанное в *ТемпГДМЧ* стихотворение «Нет, мне не верится,

³⁴ *РВ*. 1891. Т. 217. № 11. С. 68.

чтоб ты была послушна...». Дело в том, что в 1916 году в Петрограде вышла интереснейшая книжка известного в свое время поэта и критика Серебряного века Бориса Александровича Садовского «Ледоход: Статьи и заметки». Страстный поклонник поэзии Фета, Садовской в этом сборнике посвятил любимому поэту несколько статей и публикаций. Помимо биографических заметок, ряда писем и других документов, здесь было напечатано ценнейшее «Описание рукописей А. А. Фета», сделанное Садовским на основе личного ознакомления с хранившимися в то время у Б. В. Никольского рабочими тетрадями поэта, большая часть которых, как уже говорилось, оказалась впоследствии утраченной. Внимательный текстолог, Садовской привел в этой публикации немало вариантов и ранних редакций известных стихотворений, приобретенных, вследствие сложившейся ситуации, для будущих исследователей творчества Фета значение источника. Сверка опубликованных материалов с сохранившимися двумя рабочими тетрадями показала, что он чрезвычайно тщательно воспроизвел утраченные тексты. Недаром сохранившийся в Библиотеке Пушкинского Дома экземпляр «Ледохода» имеет дарственную надпись Борису Львовичу Модзалевскому. Всего Садовским описано девять тетрадей, которые он обозначил литерами русского алфавита. Тетрадь, о которой шла речь выше, откуда, по нашему убеждению, Е. В. Федорова выписывала стихотворения для П. И. Чайковского, имеет у Садовского литеру «И».³⁵ К сожалению, в описании этой тетради упомянуты только два стихотворения: «На смерть Бразникова», где отмечено, что оно датировано дважды, и «Нет, мне не верится, чтоб ты была послушна...». По поводу последнего стихотворения сказано: «Здесь же находится следующий вариант стихотворения „О как волнуяся я мыслю больною“». Далее воспроизводится этот вариант:

Нет, мне не верится, чтоб ты была послушна
 Безумствам, что везде преследуют меня,
 Когда с балкона ты способна равнодушно
 Смотреть на отблески минующего дня.

В затишьи замер сад. Внизу лишь тополь дальний
 Все грезит в вышине и ставит лист ребром
 И зыблет, уловя денницы блеск прощальный
 И чистым золотом, и мелким серебром.

³⁵ Отметим, что Садовской, возможно по забывчивости, пропустил в своей нумерации букву «Ж», таким образом, последняя из упомянутых им тетрадей имеет литеру «I», то есть «i» десятиричное, а значит, тетрадей должно было быть десять. Возможно, пропущенная тетрадь под литерой «Ж» была посвящена переводам и потому не вошла в описание Садовского.

О, эта тишина приходит не напрасно,
Одеяна кругом прощальной красотой,
Она все чистое в нас будит самовластно,
Она молитвенно беседует с душой.³⁶

К сожалению, ни даты, ни номера стихотворения в тетради Садовской не воспроизвел. Не была указана дата написания и в первой публикации в «Ниве». Правда, в посмертное издание 1894 года Страхова и К. Р. стихотворение вошло с датой «12 авг. 1891».³⁷ Ту же дату повторил Никольский в Хронологическом указателе в своем издании.³⁸ У нас нет никаких оснований не доверять этой датировке. Смущает другое. Начиная с первой публикации и до последних изданий «Библиотеки поэта», было принято за аксиому, что две редакции одного стихотворения, значительно различающиеся между собой, были созданы в следующей последовательности: ранняя — «Нет, мне не верится, чтоб ты была послушна», поздняя — «О, как волнуясь я мыслию больною...». Если это так, то почему 22 августа 1891 года, то есть 10 дней спустя после даты поздней редакции стихотворения, Е. В. Федорова переписала в *ТемпГДМЧ* не позднюю, а раннюю редакцию, с незначительными пунктуационными изменениями в стихах 1 и 5 и очень существенным разночтением в третьей строфе. Воспроизведем эту редакцию еще раз:

Нет мне не верится, чтоб ты была послушна
Безумствам, что везде преследуют меня,
Когда с балкона ты способна равнодушно
Смотреть на отблески минувшего дня.

В затишьи замер сад, внизу лишь тополь дальний
Все грезит в вышине и ставит лист ребром
И зыблет, улова денницы блеск прощальный,
И чистым золотом, и мелким серебром.

И верить хочется, что все, что так прекрасно,
Так тихо властвует в прозрачный этот миг,
По небу и душе проходит не напрасно,
Как оправдание стремлений роковых.

Если говорить точно, третья строфа взята из так называемой поздней редакции. При условии, что редакция, воспроизведенная Садовским, ранняя, почему Фет к ней вернулся, переписывая стихотворение для

---

³⁶ Садовской Б. Ледоход: Статьи и заметки. Пг., 1916. С. 94.

³⁷ ЛСт1894. Ч. 1. С. 99.

³⁸ ПССт1901. Т. 3. С. 406.

Чайковского? Не означает ли это, что стихотворение в своем окончательном виде должно печататься не по «Ниве», куда оно могло попасть раньше (то есть быть отосланным сразу после 12 августа 1891 года), а по авторизованному тексту из *ТемпГДМЧ*, который в данном случае означал бы последнюю волю поэта? Однако нет, в Списке 1892 года стихотворение записано в первый раздел будущего Полного собрания стихотворений «Элегии и думы» по первой строке: «О как волнуюсь я», рядом карандашом проставлен рукой К. Р. номер «XXVIII», означающий место в пятом выпуске «Вечерних огней». ³⁹ Значит, это действительно была окончательная редакция стихотворения. Но ценность содержащейся записи в *ТемпГДМЧ* от этого не меняется. Она означает, что Фет колебался в выборе окончательного текста: в ранней редакции ему нравились больше две первые строфы, а в поздней — заключительная. На этом этапе и была создана промежуточная редакция стихотворения, которая будет учтена в выходящем 5-м томе Собрания сочинений Фета.

Уже одного этого примера было бы достаточно, чтобы высоко оценить новый источник для изучения творчества Фета. На самом деле каждый текст в *ТемпГДМЧ* имеет свои особенности, которые полностью будут учтены в Собрании сочинений поэта, и хотя ни одно из содержащихся в тетради стихотворений не было положено на музыку Чайковским (спустя год скончался Фет, а еще через год безвременно ушел из жизни и композитор), встреча двух гениев XIX столетия состоялась в прямом и переносном смысле слова. И одним из живых свидетельств этой встречи оказалась чудом сохранившаяся тетрадка стихотворений Фета в Доме-музее Чайковского в Клину.

Ниже воспроизводится целиком тетрадь стихотворений Фета, хранящаяся в архиве Дома-музея П. И. Чайковского, за исключением первого листа, на котором рукой Н. И. Чайковского позднее вписана басня, не имеющая отношения к нашей теме. Этот лист (1 и 1 об.) приводится в статье А. Г. Айндиндер (см. с. 48–49 наст. сборника).

---

³⁹ РГБ. Ф. 315. К. 14. № 45. Л. 3 об.

I.

Сентябрьская роза.

За вздохом утренним мороза,
Сумасшедшей цетив притворя,
Как странно улыбнулась роза
Въ день быстролетный сентября.

Стережь порхающей синицей
Въ давно безмислвенныхъ кустахъ
Какъ дерзко выступай царницей
Со привитомъ великимъ на устахъ.

Расцветай въ надежде неуклонной,
Со молодой разлучаея грядой,
Примынувь послужней овяненной
Къ груди хозяйки молодой.

II.

Еще люблю, еще томлюсь
 Опереду всемирной красотой
 И ни за что не откажусь
 Отъ ласк, непосланных тобою.

Тюкда на груди земной
 Стоит съ трудою грешать я буду,
 Весь трепещет жизни молодой
 Мне будетъ внятень отовсюду.

Покорны солнечнымъ лучамъ
 Такъ слоятъ корни влюбъ могилы
 И тамъ у смерти ищутъ силы
 Бьютъ навстрѣчу великимъ днямъ.

III

Я не знаю, не скажу я,
Оттого ли, что шажу я
На тебя, я все пою,
И задорное веселье
Ты как легкое пошмыки
Пролитася в песь мою.

Мне еще того чудесней
Во моей дражащей пьесе
Таеть дуть невольных мгла,
И са то ли, оттого ли,
До томления, до боли,
Ты привитливо светила.

IV.

На кресло отвалился шярку на потолок,
 Там на задоре воображенью
 Надъ лампой тихою подвешенный кружок,
 Вертитесь, призрачною тенью:

Зари осенней смрадъ въ мерцаньи зномя естъ,
 Надъ кровней, кацется, и садомъ,
 Не въ силахъ улетать и не рождаеъ светъ,
 Траги кружатся темнымъ стадомъ.

Ихъ, то не кривево ширь, то кони у
 кривца,
 Я слышу трепетный, руки.....
 Какъ блонность молодца прекраснаго лица,
 Какъ шепотъ горестенъ разлуки!...

Молчу потерянный, на дальний путь грядъ,
 Изъ-за темнющаго сада,
 И кружитесь еще, приюта не найдъ,
 Трагей ветревоженное стадо.

У.

Опавший лист дрожит от нашего движения,
Но земли еще свиря над нами тень;
А кто то говорит среди радости свиря,
Что этот желтый лист — наш будущий
юный день.

Как несчастны мы и как несправедливы!
Вся радость явную невзрывной горит свиря?
Еще так ласковы волосы твои и улыбка!
Какой зриветь восторг на блеснувших
устах!

Идем. Надруго ли еще не разлучаться?
Надруго ли дривать отрадою, — как мать?
Пока за будущность заремь не пугився,
Пока о счастье учився вспоминая.

VI.

Если бь въ сердце твоя я не пишу, не ласкаю,
 Ни за что бь я тебя зтихъ словъ не скажу;
 Я боюсь бь тебя возмутить, оскорбить
 И послѣднюю искру въ тебѣ погасить.

Мнѣ боли не хватитъ смотрѣть и
 сирѣчь?

Я бы мочь еще долго и долго молчать,
 Но началъ говорить о другомъ, — я смелъ,
 А угрожать на тебѣ я и смѣю — не могу.

✓ 11.

Весь вечерный день среди стирания
Ты бесотрадно провела
И смрад улыбки утомления
Въ сапунные ноги принесла.

Но верить и любить готова
Душа къ стопам твоимъ летитъ,
И все мнѣ кажется, что снова
Уливое цветутъ твоихъ ланитъ.

Кто сердцевиною разгадаетъ,
Что въ этомъ кроется огнь? —
Былая скорбь, что угасаетъ,
Или заря навстрѣчу мнѣ?

VIII.

Безобидный вепрь и проще
Въ общемъ хоря голосистомъ
Вольной птицей въ вешней роцъ
Раздражающъ в воздухъ свистомъ.

Все самою предъ симомъ,
Нить и нить на голой витькы,
Но естливецъ в тобою
Въ золотой задержанъ кильтикы.

Дай мнѣ ручку, дорогая,
Въ ней прильнуть трепещущъ кривы,
Стучитъ царю в распевадъ
Отъ восторга и усилья.

IX. X

Завтра - я не различаю,
Усны - запутанность и сложность,
Но сегодня, умоляю,
Не мешки про осторожность.

Ты владыка собой, коль маски
Влагой святаея туманной,
Въ часъ, когда вводять маски
Въ этотъ кругъ благоулаиный.

Размышлять не время, видно,
Коль въ ушахъ и въ сердце шумно,
Разсудятъ сегодня стыдно,
А безумствовать разумно.

X.

Не упрекай, что я смущаюсь,
Что я минувшее приношу
И предъ тобой содрогаясь
Подъ дуновеньемъ прецельныхъ грехъ.

Ты грехи — грешив иль осудив —
Ты прагъ давнишнихъ алтарей,
Но иль поблудныхъ возмущила
Движеньемъ ты стоны своей

Уже мерцаетъ свѣтъ, готовый
Все озарить, всему помочь, —
И содрогаясь грешивую новую,
Росой егаситъ плачетъ ночь.

XI.

Только млеешь взошел
Тоска царского дня,
Расцвела, расцвела
Цвиль в груди у меня.

Что за счастье, любовь,
Стоит цвиль охранять!
Как я рад, что тебя
Милому не видать.

Стояди, как сплещу
Я в померкнувший садь
И повесду кому
Я цвилька ароматъ.

XII.

Караюсь, свисая мигалими руками
На темном зыбле Средиземного моря,
А мы любовались с тобой огнями,
Его мчались под знами, с небесными споря.

Во каком то забвении, нити и цыфры,
Смотрюль зъ тотъ блескъ, отдавая, нити,
Казалось, рулемъ управляя волне бнани,
Глубоко твѣ грубо мнѣ всрѣчаешь въ повети.

И тамъ въ глубинѣ, молодая царича,
Блуждай предъ тобой свѣтоносный пятна,
И зѣтнѣ несмысленный огней вереница
Одной лишь тебе и видно, и понятна.

XIII.

Книжь, даже не тогда, когда стеной
воздушной
Слова навстречу мнѣ, улыбкой твоей
дарить
И сажаясь въ глаза, мечту мою
послушкой
О бессавѣтности надежды говорить.

Книжь, чтобы счастливо нежданному
отдаваться,
Чтобы пережить въ немъ, спускаясь
до дна,
Мнѣ нужно одному съ душой своей
остаться,
Смолчанье нужно мнѣ кругомъ
и тишина.

Тутъ сердца говоритъ мнѣ
каждое биемъ,

Отроке, стень радостной обмане я
судьба,
А тихая суета Блаженства и то-
мленья,
Вскачься фремуриной, напомины
о тебе.

XIV.

Я слышу и судьбу и покорюсь гроз-
ной,
Завно я самъ себя скажу: не пре-
кословь.
Но передъ чертливою покорною и
слезной
Зачемъ же замолчать советамъ
должна любовь?

Пусть радуетъ хоть на мигъ не
слышимъ порицанья,
Стучитъ свѣтра стирогий чинъ все
тоить все, какъ вѣра,
Но нынѣ стращаетъ въ глазахъ и
долгия лобзанья
И пламенные надежды отъвѣсная
игра.

XV.

Кляните нас: наша дорога свобода,
 И будет в нас не разум, а ^{кровь,}
 В нас вопиет всемирная природа
 И прославлять мы будем ^{вас} любовь.

В примерь себя повзвонь всемирный
 ставим:
 Какой восторг так говорит умоз,
 Как мы живем, так мы поем и
 ставим
 И так живем, что нам нельзя не
 петь.

XVI.

Люби меня. Какъ только твой покорный
Я встряну взоръ,
У ногъ твоихъ раскину я узорный
Удивой коверъ.

Окрылены невздоримыя стремленья,
Медь всенъ земнымъ,
Въ какомъ оуб, съ какими самообвещь.
Мы полетимъ.

И прасявъ въ лагури емоиданья,
Предстанешь ты
Царить навтъ въ Оманки премононья
И красоты.

XV//.

За горами, песками, морями
 Вышний край благоуханных цветов,
 Где овсяны яркими снами
 Дремлет розы, не снав сновго.

Но краем истомленной молчаще
 Стамь не все намочаеть перасть,
 И палящего солнца лобзаще
 Струсывается не пать, а доштасть.

Восприяв объявения долго
 Задремавших лвовъ и полей,
 Где же вырваться птучка на волю
 Съ затаскою пьенью своей?

И сюда я, где сумракъ короче,
 Где зарь любить зорю будить,
 Въ колодохъ вашей северной ночи
 Стрешетю и пать, и любить.

XV ///.

Я говорю, что я люблю с тобой
За поцелуй ласковый, за нежный
За блеск твоих мудрей, стада —
За светлый, что в глубинах очей
твой горит

О, это все цветы, букашки и
Каждый ребенок радь мабрать со
Любимой матери в те сладкие
Когда ей скажут в масса так
счастливы оны.

XIX.

Фронтанъ.

Ночь и я, мы оба дышимъ,
И потому мы воздыхать нѣмъ,
И безмолвные мы слышимъ,
Что, струей своею колыхаемъ,
Называють насъ фронтанъ:

И кровь и мысль и тепло, —
Мы послушные рабы:
До извѣстнаго предѣла
Всѣмъ возносимся мы смело
Подъ давлениемъ судьбы.

Мысль несется, сердце бьется,
Травки врагу не помочь,
Въ сердце кровь опять вернется,
Въ водоемъ мой лучъ прольется,
И заря потушитъ ночь.

